

УДК 1 (091)

С.Л. ФРАНК О ДУХОВНЫХ ОСНОВАХ МИРОВОЗЗРЕНИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Е.В. Шайхет

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Характеризуя духовные основы мировоззрения русской интеллигенции, С. Франк приходит к выводу о глубоком кризисе интеллигентского сознания. Поиск причин такового выявляет широкий круг онтологических, аксиологических и антропологических воззрений, лежащих в его основе. С. Франк определяет систему ценностей, ориентированных на преодоление кризиса, центром которой в противовес нигилистическому морализму становится религиозный гуманизм.

Ключевые слова: *кризис интеллигентского сознания, моральные ценности, нигилизм, религиозный гуманизм.*

Русские мыслители XX в. столкнулись с очевидными свидетельствами кризиса цивилизации и культуры Нового времени, проявившимися в разрушительных войнах и революциях, результатом которых стала гибель культурных ценностей, веками создаваемых человечеством. В этой связи основной их задачей становится попытка активного противостояния этим процессам, поиск выхода из состояния культурного кризиса. Особое место в духовной жизни начала XX в. по праву занимает творчество С. Франка – философа, пытающегося определить и обосновать духовные основания бытия как главную тему своих размышлений. «В XX веке мир попал в водоворот бурного разрушительного движения, когда все привычные нравственные навыки жизни, и даже само физическое существование человека находятся под угрозой гибели», – констатировал он [6, с. 189]. Именно поэтому революции и иные «коренные ломки истории» бессмысленны. Они, не способные изменить человеческую природу, вызывают лишь хаос и разрушения. Не явилась исключением и русская революция, которая в своей ярости не остановилась ни перед чем, сокрушая и власть, и духовные завоевания, и ценности. Для С. Франка революция – радикальное выражение общего процесса духовного и нравственного опустошения, ведь «человечество думало достигнуть неба, оторвавшись от своих корней и свободно паря в воздухе... но дорасти до неба можно только будучи с самого начала, через глубины духовно-исторической почвы, укоренённым в нем самом» [3, с. 228].

Пытаясь разобраться в природе, сущности и причинах революционных потрясений, С. Франк подобно другим мыслителям приходит к выводу о необходимости глубочайшей характеристики русской интеллигенции как «идейного вдохновителя» революционных процессов. Концепция, окончательно оформившаяся в идеологии народничества и раз-

виваемая в общественно-политической мысли второй половины XX в., исходит из положения о «судьбоносном значении интеллигенции в развитии русского общества в силу присущей ей интеллектуальной монополии в “полуграмотной стране”» [4]. С. Франк понимает интеллигенцию как «целостно-культурный феномен», важными характеристиками которого являются «народопоклонничество», «космополитизм», «политико-центризм». То есть тип сознания, характеризующийся отчужденностью от выработанных русским обществом традиционных социокультурных норм, переходящей в радикальный разрыв с ними. Однако именно кризис традиционного интеллигентского мировоззрения во многом определяет процесс крушения культуры. Идеалы истинной культуры блекнут, потому что утрачивается идеалистическое мировоззрение, в котором они и коренятся. «Исключительно трагический характер современной эпохи, неслыханное обилие в ней зла и слепоты, расшатанности всех обычных норм и жизненных устоев предъявляют к человеческой душе такие непомерно тяжёлые требования, с которыми она часто не в состоянии справиться» [1, с. 148]. Даже то, что было традиционно значимо для культуры в целом, теряет смысл либо становится исключительно политически утилитарным. «Литература, наука, искусство, философия, религия нужны лишь постольку, поскольку они могут быть орудиями политической борьбы; все идеи и духовные запросы, расширяющие кругозор и вносящие новые точки зрения и оценки, беспощадно отменяются, как ненужная роскошь и помеха...» [2, с. 83]. По мнению Франка, атмосфера нетерпимости, царящая в обществе, связана не только с нежеланием прислушаться к голосу предлагавших духовный путь преодоления разногласий и междоусобной борьбы, но и с непониманием самой интеллигенцией действительного характера идущего обновления общества и его структур.

Реакцией С. Франка на идеи, в основе которых лежало убеждение в необходимости и желательности насильственного установления социальной справедливости, стало не столько осуждение социального идеализма и тоталитарного сознания революционной интеллигенции, в которых можно было увидеть такие ценные по своим мотивам вещи, как «жажда целостного мировоззрения», «жажда веры», «стремление к синтезу веры и знания», готовность к самопожертвованию ради установления социальной справедливости, сколько признание их искажения *вследствие ложной направленности*.

Находя в религиозной идее фундамент национальной культуры, основы социального и культурного творчества, Франк приходит к выводу об «извращенности религиозности революционного сознания». Так как религиозность вообще предполагает признание «абсолютных ценностей» трансцендентального порядка, русская интеллигенция «безрелигиозна» не только в теории, но и по типу своего сознания и образа жизни.

По мнению С. Франка, одной из форм, способных заполнить «вакуум ценностей», становится *политикоцентризм* как стремление превра-

тить политическую борьбу в смысл жизни. Идея, заложенная просветителями XVIII в., признает изначальную и постоянную готовность людей жить в условиях свободы, реализоваться которой мешает «неразумное» государственное и социально-политическое устройство. Это порождает идею рационализации общественной жизни, приведения всего к одному знаменателю, распределения всего в точном порядке и на своём месте. Предельным случаем подобного общества философ считает тоталитарный режим. «Старая античная идея полного поглощения личности государством, растворения без остатка всех духовных сил и помышлений в механизме государственной власти – эта идея, следы которой так сильны и в наших учреждениях, и в наших умах, – противоречит современному нравственному сознанию и должна быть отвергнута решительно и безусловно... Личность стоит выше государства, и никакое государство не может смотреть на неё только как на своё орудие» [2, с. 86–87].

С. Франк предпринимает попытку глубокого анализа причин и сущности крушения наиболее крепких нравственных традиций и понятий в среде русской интеллигенции, что невозможно без выяснения ключевых черт её мировоззрения.

Определяя главную черту мировосприятия русской интеллигенции, мыслитель называет её *морализмом*, ибо «русский интеллигент не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые...» [9, с. 103]. Ценности теоретические, эстетические, религиозные и иные могут восприниматься им лишь смутно и неинтенсивно, часто «приносясь в жертву» моральным ценностям. Таким образом, вся история нашего умственного развития окрашена в яркий морально-утилитарный цвет, что может дать повод упрекнуть её в недоразвитости «интеллектуальной совести», поскольку все имеет место и ценность лишь как внешняя форма для нравственной проповеди.

Особое место здесь занимает проблема значимости религиозных ценностей. «Кто любит истину или красоту, того подозревают в равнодушии к народному благу, но кто любит Бога – прямой враг народа». В этом, по мнению Франка, заложено неизбежное, метафизическое отталкивание двух мирозерцаний и мироощущений. С одной стороны, это религиозное настроение, пытающееся сблизить человеческую жизнь со сверхъестественным и абсолютным началом, найдя для нее вечную и универсальную опору. С другой стороны, настроение нигилистическое, стремящееся увековечить и абсолютизировать одно лишь «человеческое, слишком человеческое» [9, с. 106].

А так как религиозность несовместима с признанием абсолютно-го значения за земными, человеческими интересами, с нигилистическим и утилитарным поклонением жизненным благам, то, по мнению С. Франка, морализм русской интеллигенции есть выражение её *ниги-*

лизма. Но природа этого нигилизма особа. Нигилизм вообще исходит из отрицания или непризнания абсолютных, притом объективных ценностей, каковыми могут быть теоретическая или научная истина, художественная красота, объект религиозной веры или государственное и политическое могущество. И только в том случае, когда объектом стремления является благо относительное, лишенное абсолютной ценности, а именно удовлетворение субъективных человеческих нужд и потребностей, мораль – в силу некоторого логически неправомерного, но психологически неизбежного процесса мысли – абсолютизируется и кладется в основу всего практического мировоззрения.

Таким образом, умонастроение, в котором мораль не только занимает главное место, но и обладает безграничной и самодержавной властью над сознанием, лишенным веры в абсолютные ценности, можно назвать *морализмом*, и именно такой нигилистический морализм и образует сущность мировоззрения русского интеллигента [9, с. 110].

Символ веры русской интеллигенции – «благо народа», «удовлетворение нужд большинства». Служение этой цели – высшая обязанность, остальное – от лукавого. Все остальные служения – «неискоренимая слабость». В этом С. Франк усматривает одно из главных противоречий мировоззрения русской интеллигенции: столкновение религии служения земным нуждам и религии служения идеальным ценностям.

Нигилизм и морализм, безверие и фанатичная суровость нравственных требований, беспринципность в метафизическом смысле (ибо нигилизм – отрицание принципиальных оценок, объективного различия между добром и злом) и жесточайшая добросовестность в соблюдении эмпирических принципов, т. е., по существу, условных и непринципиальных требований, и есть *сущность нигилистического морализма*.

Для уяснения русского умонастроения не менее важно его специфическое понятие культуры. Культура, в общепризнанном значении, основана на вере в объективные ценности и служении им, и в этой связи может быть прямо определена как совокупность осуществляемых в общественно-исторической жизни объективных ценностей и норм. То есть культура существует не для чьего-либо блага или пользы, а лишь для самой себя, являясь сама по себе высшей ценностью человеческой деятельности. Напротив, понимание культуры русским интеллигентом отмечено печатью утилитаризма. Для него культура есть лишь некоторое средство для осуществления иной цели – именно удовлетворения субъективных жизненных нужд (строительство железных дорог, мостовых и канализации, развитие народного образования и др.).

Наиболее глубокое отражение такого мирозерцания, по мнению философа, можно найти в идеологии общественно-политического движения «русского народничества». Оно соединяет в себе все основные признаки обозначенного мировоззрения:

- нигилистический утилитаризм, отрицающий все абсолютные ценности и усматривающий единственную нравственную ценность в служении субъективным, материальным интересам «большинства» (народа);

- морализм – требование от личности строгого самопожертвования, безусловного подчинения собственных интересов делу общественного служения;

- противокультурная тенденция – стремление сократить и свести к минимуму высшие потребности во имя всеобщего равенства и солидарности в осуществлении моральных требований.

И хотя народничество представляло собой «пёстрое буйство» социально-политических теорий и программ, суть его была одна: «...его Бог есть народ, его единственная цель – счастье большинства, его мораль – служение этой цели, соединенное с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам» [9, с. 116].

Однако общий дух народничества выступает в истории русской интеллигенции в двух резко различных формах и понимается Франком как различие между «любовью к ближнему» и «любовью к дальнему» в пределах общей народнической этики:

- в форме непосредственного альтруистического служения нуждам народа;

- в форме религии абсолютного народного счастья.

Первый воплотился в образе интеллигента, который, воодушевлённый идеальными побуждениями, шёл в народ, чтобы помогать крестьянину в его текущих насущных нуждах своими знаниями и своей любовью (по мнению С. Франка, это и есть самый чистый и морально ценный плод нашего народничества). В этом типе народничества мораль выявила и воплотила все своё самое положительное и плодотворное, а именно *безусловный альтруизм*. Совершенно иной предстаёт перед нами другая разновидность – религия *абсолютного осуществления народного счастья*, которая нашла свое воплощение в форме *революционного социализма* [9, с. 117].

Согласно этой точки зрения проблема человеческого счастья есть проблема общественного устройства, а так как счастье обеспечивается материальными благами, то его достижение – это проблема распределения. Стоит лишь отнять блага у несправедливо владеющего ими меньшинства, чтобы обеспечить человеческое благополучие. Так укрепляется механически-рациональная теория счастья, которая утверждает идеал, по сравнению с коим простая личная помощь человека человеку не только бледнеет и теряет всякую моральную привлекательность, но кажется вредной растратой и даже изменой, ради немногих ближайших людей, всему человечеству и его вечному спасению. В русской исторической действительности это

нашло отражение в фактическом вытеснении либерального народничества группами воинственно настроенных сторонников террора.

В принципе, в основе социалистической веры лежит тот же утилитарный альтруизм – стремление к благу ближнего, но отвлечённый идеал абсолютного счастья в отдалённом будущем убивает конкретное нравственное отношение человека к человеку. Социалист любит уже не живых людей, а лишь свою идею – именно идею всечеловеческого счастья. Жертвуя ради идеи самим собой, он не колеблется приносить в жертву и других людей. Так в великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к реальным людям, олицетворяющим то зло, с которым он борется, страсть к устройению земного рая превращается в страсть к разрушению, а верующий народник – социалист становится *революционером*, т. е. человеком, чьим основным и внутренне необходимым средством к осуществлению морально-общественного идеала служит социальная борьба и насильственное разрушение существующих общественных форм.

Таким образом, механико-рационалистическая теория счастья предполагает, что гармоническое устройство жизни есть как бы естественное состояние, которое неизбежно и само собой установится, если будут отменены условия, преграждающие путь к нему, и прогресс не требует никакого творчества или положительного построения, а требует лишь ломки и разрушения противодействующих внешних преград [9, с. 127]. При этом психологическим побудителем и спутником разрушения является ненависть, которая превращается в глубочайший и страстный этический импульс народника-революционера.

Здесь С. Франк подходит к ещё одному важному этическому выводу: когда ненависть укрепляется в центре духовной жизни и поглощает любовь, которая ее породила, то происходит перерождение нравственности личности. Нравственность гибнет, когда отрицательные силы порицания, осуждения, негодования начинают преобладать в моральной жизни над положительными мотивами любви, одобрения, признания [9, с. 127].

Основная морально-этическая ошибка революционизма, по мнению С. Франка, заключается в *абсолютизации* начала борьбы и обусловленное ею пренебрежение к высшему и универсальному началу созидания. (Социализм и есть мировоззрение, в котором идея производства вытеснена идеей распределения – таков, прежде всего, морально-общественный дух социализма.)

Таким образом, нужно от разрушения и ненависти перейти к созиданию, основанному на любви, в самом широком смысле этого слова. Любовь к «бедным», по мнению Франка, не должна стать любовью «к бедности» и провозглашением целью жизни её упрощение и аскетическое отрицание богатства. «Русский интеллигент любит слабых, бедных, нищих телом и духом не только как несчастных, помочь которым –

значит сделать из них сильных и богатых, то есть уничтожить их как социальный и духовный тип. Он любит их именно как идеальный тип людей» [9, с. 134–135]. Его влечёт идеал простой, убогой и невинной жизни. Здесь аскетизм сталкивается с утилитаризмом и противодействует ему, создавая «неустойчивое равновесие». По Франку, классический русский интеллигент предстаёт пред нами как *воинствующий монах нигилистической религии земного благополучия*.

Так противоречие между морализмом и нигилизмом, между общеобязательным, религиозно-абсолютным *характером* интеллигентской веры и нигилистически беспринципным ее *содержанием* определяет суть кризиса интеллигентского сознания.

Единственный выход из этого глубокого, а главное, практически бесплодного кризиса Франк видит в сознательном уяснении тех моральных и религиозно-философских основ, на которых лишь и могут базироваться господствующие идеи.

С. Франк считает, что русская интеллигенция при всех противоречиях своего традиционного умонастроения всегда обладала одним драгоценным формальным свойством: она всегда искала веры и стремились подчинить вере свою жизнь. И даже если, совершив глобальный переворот своего сознания, она перестанет быть «интеллигенцией» в привычном смысле этого слова, тем не менее она сумеет сделать шаг от непроизводительного, противокультурного *нигилистического морализма* к творческому, созидательному, культурному *религиозному гуманизму*.

Главным принципом построения государственной и общественной жизни, по мнению С. Франка, должно стать признание неотъемлемых прав и ценности человеческой личности, ее свободы и творческой активности, невозможности любого насилия и произвола. И этот принцип должен корениться в душах людей, образуя моральные, но юридически обязательные принципы, и тогда никакой закон не в состоянии будет их изменить [7, с. 247], поскольку «духа и его исконных запросов умертвить нельзя». Франк искренне полагает, что «общество со всей своей громоздкостью, механичностью и внешней тяжеловесностью творится и приводится в движение скрытой силой некоего первичного духовного организма, лежащего в его основе. Этот первичный духовный организм есть богочеловечество, слитность человеческих душ в Боге» [5, с. 236]. Человек лишь тогда может действовать как субъект культуры, когда, проходя свой жизненный путь, «впитывает» культурные основы и традиции. Осуществляемое обществом культурное творчество «коренится в последнем счете все же в отдельных личностях и из них истекает... Величайшие идеи и помыслы рождаются только в тиши уединённой мысли мудрецов» [7, с. 178]. Лишь бескорыстный, неутилитарный поиск истины и следование красоте действительно способны обогащать культуру. «Доказывать вообще моральную ценность чего-либо невозможно; здесь есть только один путь – апелляция к нравственному чувству. И это нравствен-

ное чувство властно и внушительно говорит, что любовь к истине, справедливости, красоте, чести и прочим “призракам” обладает бесспорною и весьма высокою моральною ценностью» [8, с. 42].

В творчестве С. Франка был предложен интересный анализ сознания радикализма русской интеллигенции, позволяющий понять специфику того синтеза народнических устремлений и социалистических идей, приверженность которому сделала её активной силой революционного действия. Опираясь на наследие В.С. Соловьева, он рассмотрел формирование сознания русской интеллигенции в свете проблемы кризиса антропоцентрического гуманизма как важнейшего основания европейской постренессансной культуры и перспектив его преодоления на базе философии всеединства.

Список литературы

1. Франк С.Л. Крушение кумиров // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 147–244.
2. Франк С.Л. Политика и идеи: (О программе «Полярной Звезды») // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 81–96.
3. Франк С.Л. По ту сторону «правого» и «левого»: ст. по социальной философии // Новый мир. 1990. №4. С. 226–233.
4. Франк С.Л. Проект Декларации прав // Полярная звезда. 1906. №4. С. 243–254.
5. Франк С.Л. Реальность и человек. М: АСТ, 2007. 384 с.
6. Франк С.Л. Свет во тьме. Опыт христианской этики и социальной философии // Франк С.Л. Духовные основы общества. М: Республика, 1992. 244 с.
7. Франк С.Л., Струве П.Б. Очерки философии культуры. Культура и личность // Полярная звезда. 1905. № 3. С. 223–228.
8. Франк С.Л. Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 3–80.
9. Франк С.Л. Этика нигилизма (К характеристике нравственного мировоззрения русской интеллигенции) // Соч. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 97–144.

S.L. FRANK ON SPIRITUAL FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN INTELLIGENTZIA WORLD OUTLOOK

E.V. Shaihet

Tver State University, Tver

Characterizing the spiritual foundations of the Russian intelligentzia world outlook, S. Frank comes to the conclusion that the intelligentzia consciousness is in the deep crisis state. Looking for its reasons, he uncovers a wide spectrum of ontological, axiological, and anthropological views forming the

crisis basis. S. Frank reveals the system of values oriented at this crisis overcoming with the core element of religious humanism opposed to nihilistic moralism.

Keywords: *intellegentzia consciousness crisis, moral values, nihilism, religious humanism.*

Об авторе

ШАЙХЕТ Елена Владимировна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: shaihet.elena@yandex.ru

Author information

SHAIHET Elena Vladimirovna – Ph.D. student of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: shaihet.elena@yandex.ru